

В. А. ОБОРИН

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

Одной из наиболее сложных задач советских археологов является изучение вопросов этногенеза — происхождения и конкретной истории древних этнических общностей (племен, союзов племен, народностей). Большинство исследователей считает, что остатками реально существовавших в древности этнических общностей являются выделяемые ими археологические культуры.

Определить этническую принадлежность археологических памятников X—XIV вв. в Верхнем Прикамье пытались еще дореволюционные исследователи. Попытки их строились на догадках, произвольном толковании данных письменных источников и топонимики. В XVIII в. археологические памятники X—XIV вв. приписывали населению легендарной Биармии (Ф. Страленберг, П. С. Савельев и др.), а в XIX в. — не менее легендарной Пермской чуди (Н. Рычков, В. Н. Берх), а иногда и предкам современных народов Прикамья — коми-пермяков (В. А. Волегов, А. Дмитриев) или манси и ханты (Ф. А. и А. Ф. Теплоуховы), или тех и других вместе (И. Н. Смирнов). Только Ф. А. Теплоухов (1893) пытался использовать для доказательства своей точки зрения некоторые археологические материалы, главным образом, предметы культа — пермские медные идолы.

Впервые выделение отдельных признаков, главным образом, металлических украшений костюма, отличающих большую группу археологических памятников X—XIV вв. в Верхнем Прикамье, было проведено А. В. Шмидтом (1925, стр. 57).

Археологические памятники к северу от реки Обвы он считал принадлежащими предкам коми-пермяков. В бассейне рр. Сылвы и Чусовой, по его мнению, находилась другая одновременная культура, представленная такими памятниками, как могильник у Селянина озера. Однако этот тезис не нашел своего развития в последующих работах А. В. Шмидта.

Более детально вопрос об этнической специфике археологических культур Прикамья в позднем железном веке рассмотрен в работах А. П. Смирнова (1938). Основными этническими признаками, прослеживаемыми на археологическом материале, автор считает обряд погребения и типы металлических украшений, что дает ему возможность выделить несколько больших групп археологических памятников, отличающихся по этим признакам: чепецкую, вятскую, вычегодскую, среднекамскую и нижнекамскую. К характерным особенностям верхнекамской группы памятников А. П. Смирнов (1952, стр. 216) относит ориентировку в обряде погребения и якорьковые шумящие подвески.

М. В. Талицкий всесторонне исследовал вопросы происхождения, хозяйства и быта древнего населения, оставившего археологические памятники Верхнего Прикамья X—XIV вв., выделяя их в особую культуру под именем «родановской» (Талицкий, 1941, 1951), однако, вопросу этнической специфики этой культуры уделено, к сожалению, очень мало внимания. Термин «родановская культура» употребляется им наряду с условным термином «булгарская эпоха». На карте археологических памятников X—XIV вв. в бассейне р. Камы М. В. Талицкий не ограничил четко территории отдельных этнических групп, поместив на ней и археологические памятники по Чепце, Чусовой и Сылве. Последние уже А. В. Шмидт считал отличными от северных, верхнекамских. Осталось неясным, считал ли М. В. Талицкий их принадлежащими родановской культуре или нет. Вопрос о конкретных отличиях родановской культуры от других одновременных ей культур фактически не был исследован.

Изучению этнических особенностей родановской культуры способствовали проведенные в послевоенные годы разведки и раскопки Камской археологической экспедиции Пермского университета, а также изучение археологических памятников на соседних территориях — особенно в Удмуртии и Коми АССР. После новых раскопок В. Ф. Генинга и Г. А. Шокшуева яснее выявились особенности сылвенской культуры (Генинг, 1959). Исследованиями В. Ф. Генинга, В. Е. Стоянова, Г. Т. Кондратьевой получены новые данные по чепецкой культуре (Генинг, Стоянов, 1961, стр. 87—90; Кондратьева и Стоянов, 1962, стр. 103—105). Э. А. Савельевой (1962) опубликованы материалы раскопок средневековых памятников в Вычегодском крае.

Первые итоги выявления этнической специфики родановской культуры были подведены автором в большой сводной работе (Оборин, 1957).

В настоящей статье ставится задача выявить этнические особенности родановской культуры путем их картографирования, с учетом новых материалов, полученных за последние годы как по изучению памятников родановской, так и смежных с ней одновременных археологических культур.

Автор расширяет число признаков, характеризующих родановскую культуру, добавляя к ним, кроме обряда погребения и металлических украшений костюма, тип жилища, форму и орнаментацию глиняной посуды, орнамент бытовых вещей, металлические культовые изображения. Помимо характерных признаков всей культуры, мы попытаемся выявить и некоторые локальные различия внутри ее.

На всей территории Прикамья и Вычегодского края не наблюдается существенных различий в орудиях труда. Наиболее надежными признаками для выделения этнических общностей древности могут служить такие этнографические признаки, как обряд погребения, тип жилища, орнамент, детали народного костюма, культовые вещи. За последние годы в Верхнем Прикамье изучен ряд могильников как родановской (табл. 1), так и предшествующей ей ломоватовской культуры, материал которых дает возможность более детально выявить особенности погребального обряда. Значительная группа могильников датируется переходным временем — от ломоватовской к родановской культуре, что свидетельствует о местном происхождении последней (Урьинский, Деменковский, Плесинский, Каневский, Важгортский).

Для родановских могильников характерными являются: грунтовые неглубокие (30—50 см) прямоугольные могильные ямы, положение умерших — вытянутое на спине, причем руки лежат вдоль тела или сложены на животе. Могильные ямы расположены обычно рядами, только в поздних могильниках эти ряды иногда начинают нарушаться из-за наличия разных ориентировок погребений. Преобладают одиночные захоронения, парные встречаются редко. В могильных ямах умершие были уложены в одежде с украшениями, здесь же лежат орудия труда, оружие и иногда кости животных. Эти черты погребального обряда не являются специфическими только для родановской культуры. Подобный же обряд погребения характерен для могильников сылвенской (Генинг, 1959, стр. 212) и чепецкой культур (Генинг и Стоянов, 1961, стр. 87) и могильников Вятско-Ветлужского края (Халиков и Безухова, 1960, стр. 55).

Однако, наряду с преобладанием трупоположения в северных родановских могильниках, единично встречается и трупосожжение (Урьинский могильник, погребение № 11) в виде кучки пережженных костей и оплавленных вещей в центре могильной ямы. Кальцинированные кости, подвергшиеся действию огня, обнаружены в погребениях Верх-Боровского, Чикманского, Мелехинского и Плесинского (погребение № 26)

могильников. Следов кострищ в могильных ямах нет. Очевидно, трупосожжение совершалось на стороне. Но и этот обряд погребения не является специфическим для родановской культуры. Единичные случаи трупосожжения обнаружены и в могильниках Вятско-Ветлужского края (Веселовский, Кочергинский). Однако там личные украшения укладывали в порядке их ношения на костюме около кучки пережженных костей, а иногда завертывали в одежду. В конце ямы ставили глиняный сосуд и клали орудия труда. В вычегодских могильниках XII—XIV вв. все захоронения совершены по обряду трупосожжения. Он представлял собой полную или частичную кремацию, совершенную на стороне или в специальных кремационных ямах прямо на могильнике. При частичной кремации череп обычно укладывался отдельно (Савельева, 1962, стр. 165). Встречены погребения с трупосожжением в срубах. Вещи здесь находятся на разной глубине и перемешаны с углем и золой при засыпке могильной ямы. Единичные трупосожжения родановских могильников ближе всего по своему обряду к вычегодским. В засыпке могильных ям встречаются угли и зола, вещи располагаются на разной глубине, так как ссыпались в могильную яму вместе с углем и кальцинированными костями (Мелехинский могильник). Однако остатки срубов и кремационные ямы на родановских могильниках не обнаружены. Кроме обожженных костей, здесь встречаются и необожженные, т. е. кремация была частичной. В сылвенской и чепецкой культурах трупосожжения не обнаружены.

Важной деталью погребального обряда является устройство погребальных сооружений внутри могильной ямы. Во многих погребениях родановских могильников обнаружены остатки деревянных долбленых колод-гробовищ. Обычай хоронить умерших в колодах сохранялся у коми до недавнего времени (Белицер, 1958, стр. 327). Однако это не является специфическим для родановской культуры. Остатки долбленых колод обнаружены и в чепецких могильниках (Генинг и Стоянов, 1961, стр. 87). В некоторых родановских могильниках (Баяновский, Урынский, Плесинский, Искорский) найдены куски бересты, в которые заворачивался труп или покрывался ими сверху. Зюздинские коми-пермяки еще в XIX в. хоронили своих умерших неглубоко и спускали труп в могилу без гроба, завернутым в бересту (Смирнов, 1891, стр. 239). Подобный обряд в соседних культурах не обнаружен. Наиболее близким к нему является обряд погребения Веселовского могильника в Ветлужском крае, где умерших укладывали без гроба, на подстилку из досок и луба и закрывали лицо тканью, а тело шкурой или лубом (Халиков и Безухова, 1960, стр. 55).

В Каневском могильнике родановской культуры в одном погребении (№ 1) найдены остатки лодки-долбенки, в которую был уложен костяк, а в другом (№ 4) остатки обугленных полозьев от саней. Еще в начале

XX в. коми и коми-пермяки отвозили умерших на кладбище в любое время года на санях и оставляли их на могиле (Белицер, 1958, стр. 328). Очевидно, это тоже является специфическим для родановского обряда погребения.

Важной деталью погребального обряда является расположение вещей в могильной яме. В родановских могильниках обычно труп укладывался в одежде, все металлические украшения и детали головных уборов, костюма и обуви лежали в порядке их ношения. Исключение составляет только Мелехинский могильник, где вещи были сыпаны в могильную яму вместе с углями. Орудия труда и оружие укладывалось вдоль трупа или между ногами. В ногах женских захоронений помещался глиняный сосуд, а мужских — металлический, железный или медный.

Между ногами иногда находили зубы лошади (Баяновский, Плесинский и др.) или раковины каури (Редикорский могильник).

В таком же порядке лежат обычно вещи и в могильниках сылвенской культуры (Селянино озеро); но там встречаются и серебряные сосуды. В чепецких могильниках глиняные и металлические сосуды помещены в изголовье, в них находят иногда костяные ложки, а под ними — шилья, гребни и раковины каури. Орудия труда и оружие, так же как и в родановских могильниках, расположены рядом с костяками. В колодах же лежат ребра и крестцы, а в засыпке могил — черепа коровы и лошади (Генинг и Стоянов, 1961, стр. 87). В могильниках Вятско-Ветлужского края набор украшений и мелкие орудия труда укладывались в изголовье, а в ногах ставились сосуды и оружие (в мужских погребениях) и крупные орудия труда (Халиков и Безухова, 1960, стр. 55).

Характерной особенностью родановского обряда погребения являются остатки поминальных и жертвенных комплексов над и между могилами. Поминальные комплексы представлены глиняными сосудами, которые были, очевидно, наполнены остатками мясной пищи, а также кучками углей от костров, на которых, возможно, готовилась пища (Баяновский, Плесинский могильники). Обычай совершения поминок по умершим предкам прямо на кладбище, с принесением пищи на могилы, существовал у коми-пермяков до недавнего времени (Белицер, 1958, стр. 329).

Жертвенные комплексы представлены неглубокими ямами, заполненными углем, золой, обломками сосудов, иногда костями животных. В жертвенных ямах Урьинского могильника были обнаружены остатки очагов, обломки зернотерок и пестов, скопление обугленных зерен пшеницы, обугленные деревянные клинья от саней, куски бересты и пережженные кости. В жертвоприношениях заметно поклонение огню, а иногда сочетание его с культом плодородия. На родановском городище Анюшкар в слое XII—XIII вв. был раскопан жертвенник, в котором также лежали обугленные скопления зерна и обломки крупных жерно-

вов. В составе жертвоприношений нередки и кости животных, особенно лошади. Подобного рода жертвенные комплексы часто встречаются в могильниках ломоватовской культуры и, видимо, ведут свое происхождение от костящих гляденовской культуры, где жертвоприношения и погребения совершались в одном месте. В поздних родановских могильниках жертвенные комплексы встречаются уже крайне редко, что связано с какими-то изменениями в верованиях родановцев. Жертвенные комплексы в соседних с родановской культурах пока не обнаружены.

Существенной деталью погребального обряда является ориентировка погребений. Характерной особенностью родановских могильников является преобладание северной ориентировки умерших (табл. 1). В Селянинском могильнике (IX—XII вв.) во всех 14 погребениях умершие были ориентированы на север. Северную ориентировку имело большинство погребений Мало-Аниковского (X—XII вв.), Каневского (IX—X вв.), Урьинского (VIII—IX вв.), Баяновского (VIII—XI вв.), Гурина (XII—XIII вв.) могильников. В то же время в некоторых могильниках преобладали и другие ориентировки. В Плесинском могильнике больше половины всех погребений имели западную ориентировку и только третья часть — северо-западную, северо-восточную и северную. Поздние погребения Деменковского могильника (конец VIII — начало IX вв.) были ориентированы на северо-восток. Особняком пока стоит Мелехинский могильник, поздняя группа погребений которого (IX—X вв.) имеет юго-восточную и южную ориентировку.

Может быть эти различия в ориентировке связаны с какими-то локальными особенностями. Так, при преобладающей северной ориентировке отклонение к западу имеют ряд погребений северных могильников (Урьинский, Каневский, Редикорский), а в Плесинском больше встречается западная ориентировка. В южных родановских могильниках при преобладании северной ориентировки наблюдается отклонение на восток (Гурьинский, Деменковский, Баяновский).

В могильниках чепецкой культуры IX—XI вв. (Чем-Шай) преобладают восточная и северо-восточная ориентировка (Матвеев, 1928, стр. 19), в могильниках сылвенской культуры (Селянино озеро) — западная ориентировка с отклонениями к северу и югу (Генинг, 1959, стр. 212). В могильниках Вычегодского края (Гидсайяг, Кляныш ластва, Джибьяг) точную ориентировку в связи с обрядом трупосождения определить трудно. Большинство могильных ям ориентировано в направлении С—Ю и В—З, с отклонениями к югу (Савельева, 1962, стр. 160—166). В одновременных могильниках (X—XI вв.) Вятско-Ветлужского края преобладает северо-западная ориентировка (Халиков и Безухова, 1960, стр. 55).

В северных могильниках ломоватовской культуры северная ориентировка также преобладает (Митинский, Агафоновский могильники, ран-

ние погребения Деменковского и Урьинского). Такая характерная для родановской культуры ориентировка могил, возможно, связана с религиозными представлениями о том, что именно на севере, откуда дуют холодные ветры, находится страна мертвых. Еще в начале XX в. у инвентарных коми-пермяков бытовало суеверие, по которому хозяин перед выгоном скота на поле наблюдал, как лежали животные на дворе и считал, что животные, которые лежат головой на север, должны вскоре околеть (Смирнов, 1891, стр. 239).

Некоторые этнографические особенности можно проследить и в устройстве жилищ. В IX—XV вв. для всего Прикамья и соседних территорий были характерны наземные прямоугольные жилища, но внутренняя планировка и устройство их в разных культурах были различными. Типичным домом родановской культуры была прямоугольная постройка, с деревянным срубом, с двускатной крышей, опирающейся на жерди, которые лежат на столбах, расположенных двумя параллельными рядами в центре жилища. Эта постройка имела небольшой тамбур — сени перед входом. Пол был глинобитный. На раннем этапе нижние венцы сруба укладывались в канавки. В поздних жилищах этих канавок нет. В двускатной крыше один скат выступал над другим, и через образованную щель выходил наружу дым из очага, расположенного в центре дома. Иногда очаг размещался у задней стенки жилища или в углу, и тогда для выхода дыма в задней стенке делалось специальное отверстие. При таком расположении очага возможно, что щель между скатами крыши была закрыта сверху бревном или жердью, украшенными охлупнем, как это недавно делалось при постройке коми-пермяцких домов. Крыша, очевидно, имела каркас из жердей, который покрывался крупными листьями бересты, сшитыми в несколько слоев и налегающими друг на друга.

Очаг в доме был глинобитным и иногда заключался в деревянную раму — сруб, предохраняющую глину от расползания. Рядом с очагом в ранних родановских жилищах находилась яма-кладовка четырехугольной формы с дощатыми стенками, закрепленными кольями, и деревянной крышкой. В поздних родановских жилищах она обычно выносилась за пределы дома и находилась во дворе.

Остатки построек подобной конструкции были обнаружены при раскопках нескольких родановских поселений (Роданово, Кудымкарское, Анюшкар, Лаврятское городища, Вакинское и Пеняхинское селища) (табл. 2). Этот тип жилища появляется в Верхнем Прикамье еще в гляденовской культуре (Федотовское городище), сохраняется в ломоватовской (Зародятское селище) и переходит в родановскую.

Кроме жилищ с двускатной крышей, обнаружены жилища и с односкатной крышей. Они относятся к позднему этапу родановской культуры и имеют небольшие размеры. Одно из них раскопано на городище Анюш-

кар — очаг находился там внутри дома, другое — на Корнинском городище, где очаг и яма-кладовка были расположены перед входом.

Первый тип родановского жилища очень напоминает по устройству временную постройку (кола), которую коми еще в начале XX в. строили на своих пожнях (Жеребцов, 1960, стр. 68). В ней только не было нар. Второй тип — односкатные, легкие временные жилища, похожие по устройству на жилище Корнинского городища, также имеют аналогии в народном жилище коми. Это — керч-чом — постройка с невысоким срубом, односкатной крышей и очагом, расположенным иногда перед входом (Жеребцов, 1956, стр. 43). Односкатная постройка с очагом в центре, раскопанная на городище Анюшкар, по устройству очень напоминает баню (пывсян) или домик охотника и рыбака (вор керка) у коми.

Для чепецкой культуры характерны небольшие срубные избы с круглым очагом, сложенным из камней на глиняной подушке, без тамбура, с дощатым полом (А. Смирнов, 1952, стр. 233—234). Наряду с ямами-кладовками, здесь обнаружены и остатки наземных кладовок-амбаров. В некоторых жилищах пол был земляной (вымостка из песка), а очаг имел прямоугольную форму и был заключен в деревянную раму. Часть дома занимали деревянные нары (Генинг и Стоянов, 1961, стр. 87—89, рис. 10). Для сылвенской культуры характерны слабоуглубленные наземные жилища прямоугольной формы, стены которых были образованы столбами с плетнем, обмазанным глиной. Жилища имели односкатную крышу, один круглый открытый глинобитный очаг и одну или две ямы-кладовки, укрепленные деревом (Генинг, 1959, стр. 211). На вычегодских городищах пока не обнаружено достоверных остатков жилищ.

Одной из характерных черт, отличающих родановскую культуру от соседних одновременных ей культур, является форма и орнамент глиняной посуды.

В родановской культуре представлены, главным образом, три типа сосудов. Первый тип состоит из крупных толстостенных сосудов со слабо выпуклыми стенками, округлым дном, плоским, слабо отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю зашипами, насечками, пальцевыми вдавлениями. Большинство сосудов неорнаментировано или орнаментировано очень простыми элементами — крупным гребенчатым зигзагом, розеткой, пальцевыми вдавлениями, ямками.

Поверхность этих сосудов чаще всего обработана грубо. Такие сосуды использовались в основном для хранения продуктов. Они слабо обожжены, на них нет следов нагара, иногда имеют отверстия в стенках и чаще всего встречаются в ямах-кладовках. В количественном отношении этот тип сосудов не является преобладающим.

Второй тип сосудов представлен чашами и горшками с сильно отогнутым плоским венчиком и относительно выпуклыми стенками, с уплощенным и, иногда, плоским дном. Они имеют меньшую толщину сте-

нок, орнаментированы чаще по венчику, шейке и реже по стенкам. Размеры их — средние и мелкие. Они сохраняют форму ломоватовских чаш-горшков и численно преобладают. На позднем этапе родановской культуры среди этого типа встречаются сосуды с острым ребром на стенке и плоскими днищами. На многих сосудах есть следы нагара. Они служили для приготовления и принятия пищи.

Третий тип сосудов представлен мелкими открытыми чашами с прямой или вогнутой шейкой. Венчик и шейка часто не разделены. Дно этих чаш округлое, уплощенное или плоское. Стенки, как правило, тонкие. Встречаются сосуды небольшого диаметра (8—10 см). Они не имеют следов нагара и использовались, главным образом, для принятия пищи. Среди бытовой керамики на поселениях они встречаются редко, а больше — на могильниках. Чаши довольно часто орнаментированы.

Родановская керамика не отличается существенным образом от керамики чепецкой культуры и вычегодских памятников, но отличается от керамики сылвенской культуры. В сылвенской культуре гораздо больший процент (до одной четверти всех сосудов в поселениях и до половины в могильниках) составляют сосуды в виде невысоких открытых чаш-мисок с прямыми или чаще скошенными внутрь краями. Здесь около четверти сосудов имеют форму, совершенно не встречающуюся в родановской керамике. Это бомбовидные сосуды с сильно раздутыми боками, с прямым цилиндрическим горлом, иногда слегка отогнутым. Не встречается в родановской культуре и сосудов высоких, кувшинообразной формы, с высокой прямой или отогнутой шейкой, плавно переходящей в тулово. В сылвенской керамике преобладают сосуды с округлым, иногда полушарным дном. Основные типы сосудов сылвенской культуры ведут свое происхождение от керамики сылвенских могильников ломоватовского времени (Неволинский, Бродовский и др. Генинг, 1953, стр. 91, рис. 32). В могильниках Вятско-Ветлужского края представлена плоскодонная керамика с ребром, отогнутым пухлым венчиком и утолщенным дном (Халиков и Безухова, 1960, стр. 41, рис. 33).

По составу глиняного теста родановская керамика не отличается от чепецкой. Основной примесью является толченая раковина. В южной группе родановских памятников почти во всех сосудах имеется примесь крупнотолченой раковины, в северных памятниках — мелкотолченой (76,3% в Петуховском, 82% в Корнинском городищах), но значительно чаще в глиняном тесте встречаются растительные примеси (99% в Петуховском городище), затем шамот (61,5% в Корнинском городище), песок и дресва (19% на Пянтежском селище). По составу теста керамика северных родановских памятников близка к керамике Вычегодского края. Там примесь песка и дресвы содержат почти все сосуды. Керамика сылвенской культуры по составу теста мало отличается от родановской и здесь также преобладает примесь мелкотолченой рако-

вины, но чаще встречается примесь песка, талька и слюды. Последние сближают сылвенскую керамику с керамикой зауральских памятников.

Более резко отличается родановская керамика от керамики соседних культур по узору и соотношению элементов орнамента. В большой коллекции из пятилетних раскопок городища Анюшкар (Кыласово) выделено 870 сосудов (607 в верхнем слое — XII—XIV вв. и 263 в нижнем — X—XI вв.) Соотношение элементов орнамента и узоров отличается в раннеродановское и в позднеродановское время.

В нижнем раннем слое Анюшкара орнаментировано три четверти всех сосудов. Преобладающим элементом орнамента является гребенчатый штамп, которым украшено около трети всех орнаментированных сосудов. Сочетания гребенчатого штампа со шнуровым, ямочным, кружковым и резными элементами встречаются также почти на одной трети сосудов. Шнуровыми отпечатками орнаментировано 12%, кружковыми — 6%, ямочными — 11%, резными — 6%. Кроме того, они встречаются в сочетаниях между собой. Ямочный орнамент часто заменяет в узорах кружковый, а резной, хотя и редко, но заменяет гребенчатый штамп (табл. 3—17).

В верхнем, позднем, слое Анюшкара число орнаментированных сосудов сокращается до половины общего количества. Здесь по-прежнему преобладает гребенчатый штамп (около половины всех орнаментированных сосудов), а в сочетании с другими элементами, он составляет около двух третей всех орнаментированных сосудов. Более чем вдвое увеличивается число сосудов, орнаментированных кружковым орнаментом (15%), который, кроме того, часто встречается в сочетании с гребенчатым. Редко встречается шнуровой и еще реже ямочный и резной. Таким образом, если кратко определить тип орнаментации родановской керамики, то его можно назвать гребенчато-кружковым. Число кружкового орнамента на поздних родановских сосудах увеличивается и за счет орнаментации круглых налепов, встречающихся на стенках сосудов.

Наиболее распространенными узорами являются узор в виде «решетки» гребенчатого штампа (табл. 3—15, 16), узор в виде зигзага гребенчатого штампа, в промежутках которого нанесены кружковые отпечатки (табл. 3—2, 4), расходящиеся под углом параллельные отпечатки гребенчатого штампа (табл. 3—21), узор из горизонтальных параллельных линий гребенчатого или шнурового орнамента в сочетании с другими элементами (табл. 3—3, 9, 19), параллельные ряды кружкового орнамента (табл. 3—7, 8, 9), сочетание параллельных линий шнура и гребенчатого с двойными зигзагами штампа (табл. 3—13), узоры кружкового орнамента, расположенного треугольниками и ромбами (табл. 3—5, 11).

При общем сокращении числа орнаментированных сосудов на позднеродановской керамике увеличивается разнообразие и смешанность

элементов орнамента. Сложные узоры из нескольких сочетаний встречаются гораздо чаще, чем на ранних сосудах.

В орнаментации керамики северных и южных памятников родановской культуры есть некоторые различия. В северных памятниках большинство сосудов (88% в Петуховском, 56% на Корнинском городищах) орнаментированы по венчику и реже — по шейке (12% в Петуховском, 44% в Корнинском) и стенкам сосудов. Наряду с преобладанием гребенчатого орнамента, большой процент составляет розеточный как разновидности ямочного и кружкового (около половины на Петуховском и более четверти на Корнинском). Остальные элементы орнамента (резной, ямочный и шнур) встречаются единично. Почти нет сложных узоров, орнамент в целом гораздо беднее южных памятников. Преобладающими узорами являются ряды ямочного и розеточного, зигзагогребенчатого штампа. По внешнему виду и обработке поверхности керамика северных памятников грубее южных.

Орнамент и узоры родановской керамики, особенно из северных районов, наиболее близки керамике вычегодских памятников. На вычегодской керамике розеточный орнамент и редкие отпечатки короткого гребенчатого штампа встречаются чаще, чем в родановской.

Родановская керамика довольно значительно отличается по узорам от чепецкой, где преобладает орнамент, нанесенный сложными штампами, — чаще всего треугольным, а также ромбическим; рамчатым, решетчатой розеткой. Треугольный штамп является наиболее распространенным в орнаменте керамики городища Донды-Кар на р. Чепце (А. Смирнов, 1928, стр. 57), где найден и костяной штамп для нанесения такого орнамента. Подобная орнаментация совершенно не встречается на типичных родановских сосудах. Основные типы узоров чепецкой керамики складываются в предшествующей ей поломской культуре (Генинг, 1962). Несколько фрагментов керамики чепецкого типа с треугольным и рамчатым орнаментом найдено на Кудымкарском городище (Спицын, 1902, табл. XXIX — 5, 16, 17), но там они являются привозными и принадлежат не более чем двум сосудам. Они резко отличаются от основной массы керамики.

Орнаментация родановской керамики отличается довольно резко и от сылвенской культуры. В орнаменте сылвенской керамики абсолютно преобладает резной элемент (77% орнаментированных сосудов на городище Лобач из раскопок Г. А. Шокшуева 1961 г.), сочетание резного с ямочным и ямочный орнамент. Гребенчатый и шнуровой встречаются редко. Узоры сылвенской керамики более простые, в сравнении с родановской.

Характерно, что наиболее простые узоры орнамента родановской керамики повторяются также на бытовых костяных и металлических вещах, где также преобладают нарезные (заменяющие гребенку) и круж-

ковые (циркульные) узоры (табл. 3 — 1, 6, 10, 14, 12, 18, 20). В орнаменте набойки и вышивки коми-пермяков узоры в виде кружка и розетки сохраняются до настоящего времени (Белицер, 1950, стр. 23, рис. 6).

То же самое можно проследить и в чепецкой культуре. Треугольным орнаментом покрыта большая часть костяных и глиняных вещей — пряслица, кочедыки, рукоятки ножей и шильев, копоушки и гребни. Шумящие подвести чепецких могильников имеют треугольную основу или по краям украшаются треугольниками ложной зерни. Узоры в виде ромбов, квадратов, прямоугольников и треугольников широко представлены в орнаменте народной одежды у удмуртов (Белицер, 1951, стр. 121, рис. 71).

Перейдем к рассмотрению металлических украшений костюма, характерных для родановской культуры. А. П. Смирнов считает наиболее характерным украшением женского костюма верхне-камских и вычегодских племен якорьковые и двоякорьковые подвески (он называет их «прямоугольные с роговидными выступами». А Смирнов, 1952, стр. 216). Мы согласны с этим и постараемся рассмотреть вопрос о происхождении якорьковых подвесок и определить их датировку.

А. П. Смирнов датирует якорьковые подвески X—XIII вв., опираясь на комплексы вещей, полученные в результате случайных сборов, где смешаны позднеломоватовские и родановские (ранние и поздние) вещи (Рождественское городище, Вакинское селище и др. А. Смирнов, 1930, стр. 114). В настоящее время мы имеем хорошо датированные, в том числе монетами, раннеродановские комплексы и ни в одном из них не найдены якорьковые подвески. Их нет в Баяновском, Загарском, Редикорском, Урынском, Плесинском, Мелехинском и даже в Гуринском могильниках. Нет их в раннем слое городища Анюшкар, на Лаврятском городище и в других раннеродановских поселениях X—XI вв. Вряд ли это можно считать случайностью.

В то же время якорьковые подвески находятся на поздних родановских памятниках. Найдены они на Троицком городище в г. Чердыни и на Искорском городище, поздняя дата которых — XV в. устанавливается по упоминанию их русской летописью в 1472 г. Встречены они и в верхнем слое городища Анюшкар, датированном хорезмийской монетой последней четверти XIV в., и в поздних родановских могильниках, датирующихся XIII—XIV вв. на основании находок височных колец с напускной бусиной в виде знака вопроса (Верх-Боровской, Чикманский).

Самые ранние экземпляры этих украшений в виде одноякорьковых подвесок представлены в хорошо датированном погребении XI в. на р. Чусовой (Прокошев, 1937, стр. 132, рис. 3—12), в Мало-Аниковском могильнике X—XII вв., по датировке А. П. Смирнова, (1952, стр. 210), в комплексе находок у д. Мазуниной, которые датируются XI—XII вв.

(Смирнов, 1952, стр. 212), а также в таких родановских городищах, как Кудымкарское и Рождественское, поздняя дата которых доходит до XIV в. Поэтому точнее эти украшения можно датировать XI—XIV вв., причем к XI в. относятся только якорьковые подвески, встречающиеся в комплексах вещей вместе с коньковыми подвесками, а двужкорьковые подвески датируются XII—XIV вв.

У якорьковых подвесок были более ранние прототипы, которые бытовали в VII—XI вв.—шумящие коньковые подвески. Самые ранние металлические изображения лошади на подвесках относятся к ананьинскому времени. Это — головка коня на бронзовой привеске из Ананьинского могильника (Збруева, 1952, табл. XXVI—2) и реалистические фигурки лошадей с петлей для подвешивания из городища Алтен-Тау (Черных, 1959, стр. 161, рис. 7—12) и Заюрчимского поселения (раскопки В. П. Денисова). Реалистическое изображение фигурки коня часто встречается среди вещей из Гляденовского костыща (Новокрещенных, 1914, табл. II—2) в I—II вв. н. э. Позднее аналогичное изображение появляется и в азелинской культуре (Худяков, 1933, стр. 256—259). По стилю оно отличается от гляденовского. Гляденовское изображение коня — цельнолитое или вырезанное. Азелинские коньки сделаны техникой напайки проволочных жгутиков, так называемой «косоплеткой». Это различие в технике изготовления изображения коней в Верхнем и Нижнем Прикамье прослеживается и позднее, до X—XIV вв.

Небольшие литые реалистические фигурки коней часто встречаются на памятниках харинского этапа ломоватовской культуры (III—V вв.). Они найдены на Опутятском городище (Генинг, 1955, стр. 121, рис. 45—3), в Бурковских и Митинских курганах (раскопки В. Ф. Генинга), на городище Гарамиха (Спицын, 1902, табл. VI—11, 12), у д. Грудята (Aspelin, 1877, рис. 646, 647) и в других местах. Почти все они представляют литое изображение одного коня и только фигурка из д. Грудята представляет спаренное изображение двух коней, повернутых головами в разные стороны. Очень похожая фигурка найдена и в ранних погребениях Елевского могильника. Она имеет ушко для подвешивания (Спицын, 1902, табл. XXXVI—15).

В поздних ломоватовских могильниках появляются шумящие коньковые подвески, как результат развития их ранних прототипов. Основа подвески состоит из двух головок коней с сильно вытянутыми шеями, повернутыми в разные стороны. Вся поверхность головок, шеи и самой основы покрыта орнаментом из прямых и косых насечек. К основе снизу на медных звеньях подвешивались привески в виде колокольчиков. Такие подвески найдены в Неволинском и ранних погребениях Деменковского могильника. Очень близки к ним и коньковые подвески из Левашовского могильника около г. Стерлитамака, хотя последние и отличаются наличием квадратной прорези в основе подвески и другой

формы привесок — колокольчиков (Ахмеров, 1955, стр. 155, табл. 1—1). Подвески Неволинского и Деменковского могильников найдены в погребениях, датирующихся монетами VII—VIII вв., а Левашовский могильник датируется по арабским монетам VIII — началом IX вв. Аналогичные подвески найдены в Бахмутинском могильнике, где они датируются VI—VIII вв. (Шмидт, 1929, стр. 16).

В Кудымкарском могильнике найден другой тип коньковой подвески, который по аналогии с Левашовским могильником может датироваться VIII — началом IX в. (Ахмеров, 1955, табл. 1—2). На основе подвески находятся две реалистически выполненные конские головы. Грива их изображена двумя параллельными линиями косых насечек. В нижней части основы есть три выступа, украшенные четырьмя выпуклыми кружками, один из которых крупнее и располагается выше остальных. Оформление этих выступов имеет отдаленную аналогию в бляхах Подчеремского клада IV—V вв. (Городцов, 1937, стр. 30—31).

Другие типы шумящих коньковых подвесок относятся уже к родановской культуре. К первому типу позднеломоватовских подвесок очень близка подвеска из Купросского городища IX—XI вв. (Спицын, 1902, табл. XXXIX — 16). Отличие ее состоит лишь в том, что нижняя часть основы расширяется и в ней появляется большее число отверстий для привешивания шумящих цепочек (6 вместо 4 у ломоватовских). В центре основы есть прорезь из двух сходящихся вытянутых овалов. Второй тип подвесок очень близок подвескам из ранних погребений Баяновского (Оборин, 1953, стр. 154, табл. IV — 2), Урьинского (Спицын, 1902, табл. XI — 6), Ильинского (Спицын, 1902, табл. XXXIX — 9), Плесинского могильников. Всех их отличает то, что головы коней изображены крупно, нижняя часть морд соединяется с нижней частью основы подвески. В нижней части основы подвески есть небольшая треугольная прорезь. Ниже этой прорези основа орнаментирована рядом кружкового орнамента или двумя рядами насечек. Звенья шумящих подвесок простые или перевитые. На конце шумящих цепочек находятся простые гладкие колокольчики (Баяновский, Ильинский), вытянутые, ромбовидной формы «гусиные лапки» (Урьинский) или боченкообразные привески (Плесинский). Оба этих типа подвесок можно датировать концом VIII — началом IX вв.

В родановской культуре появляются и другие типы шумящих коньковых подвесок. Третий тип подвесок имеет основу с реалистическими изображениями конских голов на длинных вытянутых шеях. Гривы коней изображены косыми насечками. В центре основы имеется прорезь в виде двух треугольников, сложенных вершинами. Ниже прорези идет одна или две полосы коротких вертикальных насечек. Такие подвески найдены в поздних погребениях Урьинского, Деменковского, Харинского (Спицын, 1902, табл. XI — 2), Мальцевского могильников (Спи-

цын, 1902, табл. XI — 3). На концах шумящих цепочек находятся «гусиные лапки» (Урьинский, Харинский) и простые колокольчики (Деменковский, Мальцевский). Датировать их можно IX в. Разновидностью этого типа являются подобные же подвески меньшего размера, имеющие две круглые прорези в основе (Баяновский могильник, Оборин, 1956, стр. 115, рис. 39 — 4) или квадратную прорезь (Плесинский могильник), также относящиеся к IX в. В основе их — только четыре прорези для шумящих привесок.

Одновременным им является и четвертый тип коньковых подвесок, который представлен в позднем погребении Деменковского могильника. Основа подвески изображает стилизованные головы коней, морды которых полностью слились с основой. В основе имеются три круглые прорези — для обозначения шеи коней и для подвешивания. К основе, не имеющей никакого орнамента, привешены четыре цепочки с перевитыми звеньями и простыми колокольчиками на концах.

Все эти три типа коньковых подвесок сохраняются и в X в. Исчезает только первый тип подвесок. Подвески второго типа встречаются уже крайне редко — в Михалевском могильнике (Спицын, 1902, табл. XXXIV — 2), в нижнем слое городища Анюшкар, в Кудымкарском городище.

По сравнению с более ранними подвесками этого типа они орнаментированы беднее и прорези у них в основе более крупные и не треугольной, а круглой или сердцевидной формы.

Третий тип коньковых подвесок в X в. получает большое распространение. Однако в оформлении основы происходят изменения. Наряду с прорезью из двух треугольников появляется прорезь из соединения овала и треугольника. Морды коней чаще всего соединяются с нижней частью подвески. Орнамент на основе беднее. Звенья цепочек только гладкие, перевитых нет. На конце их встречаются привески в виде гладких колокольчиков и «гусиных лапок» с перепонками, сделанными короткими насечками. Подвески такого типа часто находятся в нижнем слое городища Анюшкар, датированного монетой X в., в Рождественском и Кудымкарском городищах. Этот же тип подвесок встречается и в XI в.

Четвертый тип коньковых подвесок в X в. исчезает. В это время появляется еще один тип шумящих коньковых подвесок, продолжающий бытовать и до середины XI в. На сильно вытянутой петле этих подвесок появляется изображение человеческой головы. В центре основы имеется прорезь в виде овала с треугольником, украшенная по краям орнаментом из кружков или коротких широких насечек. Звенья шумящих цепочек — простые литые или из скрученной тонкой проволоки. На концах подвешены только «гусиные лапки». Такие подвески найдены в Рождественском (Оборин, 1953а, стр. 173, табл. IV — 5), Михалевском

(Спицын, 1902, табл. XI — 1), Елевском (Спицын, 1902, табл. XI — 5), Ратеговском, Кудесевском могильниках и на Вакинском селище.

Коньковые подвески послужили прототипами для ранних якорьковых подвесок. На Михалевском могильнике вместе с коньковыми подвесками X—XI вв. найдена якорьковая подвеска. При внимательном рассмотрении якорька можно видеть, что это не что иное, как сближенные между собой головки коней (Спицын, 1902, табл. XIII — 14). В нижней части якорька находятся пять петель, в которые на звеньях привешены такие же «гусиные лапки», как и на коньковых подвесках. Стилизованные изображения головок коней можно разглядеть и на одноякорьковых подвесках из Рождественского, Кудымкарского городищ и городища Анюшкар, из Каневского могильника, Вакинского селища. На якорьках сохраняются силуэты морд коней и углубления, обозначающие гриву и ноздри. Позднее, уже на двуякорьковых подвесках, они заменяются кружками на концах якорьков, напоминающими реалистические прототипы.

Интересно также, что у основания якорьков некоторых якорьковых подвесок напавается одна или две бусинки зерни, не имеющих иного смысла, кроме обозначения по традиции того места, где находилась человеческая личина на пятом типе коньковых подвесок (подвеска из Вакинского селища).

Коньковые шумящие подвески можно считать характерной особенностью украшений женского костюма в родановской культуре.

Изображение двух конских голов на шумящих подвесках широко бытовало и в других культурах финноугорских племен Прикамья, Поволжья и севера Европейской части СССР. Но если рассмотреть внимательно все коньковые подвески на различных территориях, то несомненно можно выявить существенные различия в технике их изготовления.

Очень характерны мерянские коньковые подвески, выполненные наборной техникой из проволочной косоплетки с шумящими колоколовидными подвесками (Горюнова, 1954, стр. 157, рис. 71—18) или «гусиными лапками» с плоским нижним краем (Горюнова, 1952, стр. 23, рис. 4). Не менее характерны мордовские коньковые подвески из Крюковско-Кужновского могильника. Они представляют собой ажурную прямоугольную основу, украшенную зигзагами из напаянной проволоки, в верхних углах которой находятся стилизованные головки коней, уши которых обозначены треугольниками зерни (Материалы... 1952, стр. 186, табл. II — 4—6). Здесь также есть попытка стилизации и превращения головок коней в якорьки, возвышающиеся над ажурными бляхами — застежками с шумящими подвесками (Материалы... 1952, табл. 1 — 2, 3, 4).

Очень близки к ним марийские коньковые подвески с основой из ажурного трапециевидного щитка, имитацией конских головок в верх-

ней части и подвесками-бубенчиками на цепочках из восьмеркообразных звеньев с перекрученными концами (Халиков и Безухова, 1960, стр. 48, рис. 40). Правда, в Веселовском могильнике найдены и литые коньковые подвески, основа которых очень похожа на камские. Но они отличаются отсутствием прорези в центре основы. Особенности этих привесок состоят в том, что они имеют очень длинные цепочки, втрое превышающие длину цепочек камских подвесок и на концах у них находятся не конические, как у камских, а бутыльчатые колокольчики (Халиков и Безухова, 1960, стр. 28, рис. 21 — 1).

Для чепецкой культуры характерны коньковые подвески, которые по своей технике и стилю сохраняют азелинские традиции. Они представляют собой стилизованные изображения конских голов, которые находятся на разных концах одной ленты, спаянной из нескольких проволочек, и выгнутой подковы, основанием вниз. У коньков резко выступают маленькие уши. В нижней части подвесок на груди коней припаяны треугольники зерни. Шумящие цепочки имеют характерную подтреугольную форму и массивные уплощенные бубенчики на концах, которые имеются на всех чепецких шумящих подвесках других типов. Такие подвески часто встречаются в коллекции Н. Г. Первухина из б. Глазовского уезда¹. В сылвенской культуре единственными находками коньковых подвесок являются три подвески третьего родановского типа на городище Лобач (раскопки Г. А. Шокшуева, 1961 г.).

Отличие родановских коньковых подвесок от мерянских, мордовских, марийских и удмуртских (чепецких) состоит в том, что они были цельнолитые, а не спаянные из нескольких частей, и реалистические, в отличие от сильно стилизованных подвесок других культур. Иногда между конскими головками на петле изображена человеческая личина.

Подобного рода коньковые подвески встречаются на обширной территории, как это показано Л. А. Голубевой (1962, стр. 60, рис. 5). Однако для территории Верхнего Прикамья сводка Л. А. Голубевой является далеко не полной. И хотя отдельные коньковые подвески камских типов встречаются далеко за пределами Прикамья, основная масса их находится на территории родановской культуры. Это и дает нам основание считать цельнолитые коньковые подвески с прорезной основой украшением, типичным для родановской культуры.

Картографирование находок коньковых подвесок вышеописанного типа показывает, что на территории Верхнего Прикамья известно 48 пунктов, где эти подвески были найдены в поселениях, могильниках родановской культуры и в виде случайных находок (табл. 4), причем в Рождественском и Кудымкарском городищах их найдено более 5 экземпляров, в 12 пунктах — свыше 3. В 8 пунктах коньковые и якорько-

¹ Коллекция Н. Г. Первухина из б. Глазовского уезда в Государственном Историческом музее в Москве.

вые подвески найдены вместе. Совместные находки обнаружены в поселениях и могильниках, имеющих широкую дату, охватывающую почти весь период родановской культуры.

Находки коньковых подвесок родановского типа за пределами территории Верхнего Прикамья относительно редки и представлены единичными экземплярами, которые примешаны к общей массе других украшений. Они попали туда в результате обмена с камскими племенами и бытовали у финноугорского населения севера и Поволжья, благодаря определенной идеологической и культурной общности этих племен. В славянскую среду эти украшения не проникали. На карте Л. А. Голубевой отмечены находки коньковых подвесок камских типов в 16 пунктах за пределами Верхнего Прикамья (Голубева, 1962, рис. 5). К этой карте можно добавить находки коньковых подвесок камских типов на р. Сухоне (Отчет археологической комиссии за 1911 г., стр. 69—70), на Вычегде и Выми (А. Сидоров, 1925, стр. 41), в Крюково-Кужновском могильнике (Материалы... 1952, стр. 186, табл. II—2), в Сибири — у д. Кузиной на р. Лозьве (Талицкий, 1951, стр. 68). в Тарском округе (Талицкая, 1953, стр. 275) и в Зауралье — у с. Никито-Ивдель (Берс, 1948, стр. 154, рис. 1—4). Таким образом, насчитывается всего 23 пункта находок этих подвесок за пределами Верхнего Прикамья. Все находки не встречаются компактно, как на территории родановской культуры, а разбросаны на обширной территории, и во многих местах не имеют предшествующих прототипов в более ранних культурах. Больше всего коньковых подвесок найдено в городах Волжской Булгарии, с которыми у населения Верхнего Прикамья существовали регулярные обменные связи. Возможно также, что в городах Булгарии проживали выходцы из Верхнего Прикамья.

На территории Верхнего Прикамья известно 35 пунктов находок якорьковых подвесок (табл. 5). За пределами Верхнего Прикамья Л. А. Голубевой (1962, рис. 5) отмечено 4 пункта. К ним нужно добавить единичные находки в могильнике Уна-Пай на р. Оби. (Чернецов, 1957, табл. XLIV — 9), в Сыктывкаре (Aspelin, 1877, рис. 709), в Биляре, (Aspelin, 1877, рис. 774; Tallgren, 1918, рис. 331)¹, на Каме у д. Ныргында (Талицкая, 1952, стр. 57), в Пановском могильнике в Чувашии (Смирнов, 1952, стр. 129). Всего насчитывается 9 пунктов, разбросанных на большой территории, и надо полагать, что якорьковые подвески являются предметами верхнекамского происхождения.

Другим характерным украшением родановской культуры являются арочные подвески. Основа представляет собой полукруг или вытянутую половину эллипса, к которой снизу привешиваются цепочки с «гусины-ми лапками» или колокольчиками.

¹ Коллекции Государственного музея ТАССГ в г. Казани.

Самый ранний прототип таких подвесок появляется еще в гляденовской культуре (Новокрещенных, 1914, табл. VIII — 12). В Бурковских курганах III—V вв. обнаружена плоская арочная подвеска со сплошной основой и шумящими цепочками. В Георгиевском кладе IV—V вв. и в б. Аннинской волости найдены арочные подвески с прорезной основой и «гусиными лапками» (Спицын, 1902, табл. III — 10). Эти два типа арочных подвесок сохраняются и в поздних ломоватовских погребениях VII—VIII вв. Деменковского и Урьинского могильников и переходят в родановскую культуру.

В ранних родановских памятниках — Баяновском (Оборин, 1953, стр. 154 — 5, 7), Редикорском, Загарском, Плесинском — преобладают прорезные арочные подвески двух разновидностей. Крупные арочные подвески имеют внутри арочной основы закрученные спирали, украшенные косыми насечками. Мелкие арочные подвески имеют прорезы в виде решетки. На концах шумящих цепочек находятся привески в виде гладких конических колокольчиков, в отличие от более ранних ломоватовских подвесок, имевших привески в виде «гусиных лапок» (Деменковский) или боченкообразных (Урьинский). Родановские подвески этого типа можно датировать IX — началом XI в.

В поздних родановских памятниках (Рождественское, Анюшкар, Кудымкарское городище и др.) преобладают арочные подвески с непрорезной основой, в центре которой находится один или три круглых выступа. По краям основа украшена косыми насечками, иногда в несколько рядов, имитирующими перевитой шнур. Самая ранняя подвеска такого типа найдена на Лаврятском городище и датируется XI в. (Оборин, 1956, рис. 37 — 3). К основе этих подвесок привешены шумящие цепочки, состоящие из массивных литых звеньев, украшенных насечками. На концах цепочек находятся массивные колокольчики, украшенные концентрическими выступами с насечками, или эллипсовидные привески тоже с выступами и насечками. В основе арочных подвесок появляются квадратные прорезы — гнезда для вставки камней или стекла как подражание вставкам на болгарских ювелирных изделиях.

На территории Верхнего Прикамья известен 41 пункт находок арочных шумящих подвесок (табл. 6). За пределами Верхнего Прикамья они найдены в вычегодских могильниках (Савельева, 1962, стр. 172, табл. VI — 16; А. Сидоров, 1925, стр. 42, 46), в трех пунктах в Волжской Булгарии (Биляр, Сувар), а также в Приладожских курганах (Бранденбург), 1895, табл. III — 3), на Вятке (Tallgren, 1928, стр. 88), в обских могильниках кинтусовского этапа (Чернецов, 1957, табл. XXX — 2, 4) в Веселовском могильнике на р. Ветлуге (Халиков и Безухова, 1960), рис. 24 — 1, 2), в могильнике Мыдлань-Шай (Генинг, 1962), на р. Чепце — всего в 13 пунктах.

Находки родановских украшений в Вычегодском крае могут быть

объяснены далекими брачными связями в однородной этнической среде коми. Возможно, что коньковые, якорьковые и арочные подвески в Западной Сибири являлись не только предметом экспорта в чуждую этническую среду, но и связаны с переселением групп коми населения с Камы. На этнографической карте Д. А. Золотарева на рр. Туре и Лозьве показаны небольшие группы коми-пермяков, подвергшиеся впоследствии сильному обрусению (Золотарев, 1928, стр. 331).

Среди украшений раннего этапа родановской культуры часто встречаются шумящие подвески-медальоны (или коробочки). Ранние прототипы этих украшений в виде гладких коробочек на цепочках, без шумящих подвесок, появились еще в поздних ломоватовских могильниках VI—VII вв. (Неволинский, Деменковский). В Урьинском могильнике найден медальон в виде круглой коробочки, украшенной насечками, геометрическим орнаментом, но тоже без шумящих цепочек. Самая ранняя подвеска-медальон с цепочками обнаружена в Редикорском могильнике. Круглая уплощенная коробочка — основа подвески не орнаментирована. На концах шумящей цепочки с перевитыми восьмеркообразными звеньями привешены «гусиные лапки». Эти типы подвесок можно датировать VIII — началом IX вв.

В ранних родановских могильниках — Баяновском (Оборин, 1953, табл. IV — б), Каневском, Плесинском и некоторых других встречаются медальоны, основа которых состоит из двух круглых щитков с цилиндрическими выступами с обратной стороны. В нижней части щитков имеются прорезы для звеньев шумящих подвесок. Поверхность щитков орнаментирована насечками, кружками, овалами или изображениями животных (Редикорский могильник). В верхней части щитка имеются петли для двух шумящих цепочек, которые соединяются с помощью треугольного звена с петлей для пришивания к одежде. К нижней части щитков прикреплены цепочки с простыми звеньями и привесками в виде гладких конических колокольчиков на конце. Эти подвески могут быть датированы IX—XI вв. Они находятся преимущественно только в раннеродановских могильниках. Известны лишь три находки их на поселениях (нижний слой Анюшкара, Купросское городище и Вакинское селище).

На территории родановской культуры известен 21 пункт, где найдены шумящие подвески-медальоны (табл. 7). За пределами Верхнего Прикамья нам неизвестно пока ни одной находки.

Характерным, хотя и реже встреченным украшением родановской культуры являются также так называемые умбовидные подвески. Основу этой подвески составляет круглый выпуклый умбон с ушком сверху или сзади для подвешивания и петлями снизу для шумящих цепочек. Умбон по краю украшен треугольными выступами ложной зерни, напоминающими расходящиеся лучи. Встречаются также под-

вески с двумя выпуклыми небольшими умбонами. На концах шумящих цепочек, как правило, привешены «гусиные лапки».

Украшения этого типа появляются только в раннеродановских памятниках — Баяновском (Оборин, 1953, табл. IV—3), Омелинском, Плесинском могильниках, в нижнем слое Анюшкара, а в позднеродановских не встречаются. Нет их и в предшествующих памятниках ломоватовской культуры. Очевидно по происхождению этот тип украшения не является местным. Более ранние его прототипы, хотя и иного вида (плоские), встречаются в марийских могильниках, где служат украшением обуви. В родановской культуре эти подвески являлись нагрудными и поясными украшениями.

На территории Верхнего Прикамья нам известно сейчас 16 пунктов, где найдены эти украшения (табл. 8). Их можно датировать IX—XI вв. Единичные находки подвесок с выпуклыми умбонами известны и за пределами родановской культуры. На карте Л. А. Голубевой (1962, рис. 5) отмечено 5 пунктов. К этому нужно добавить найденные в Костромских курганах подвески с тремя выпуклыми умбонами (Третьяков, 1931, стр. 23, табл. III—11), в Веселовском могильнике на р. Ветлуге (Халиков и Безухова, 1960, рис. 24—6) и находки в Булгаре и Биляре. За пределами родановской культуры известно 9 пунктов находок, разбросанных на большой территории.

В чепецкой культуре был распространен близкий к верхне-камским тип украшения в виде подвесок с плоскими умбонами, прорезной основой и шумящими цепочками из треугольных массивных звеньев (А. Смирнов, 1952, табл. LII—2). Аналогичные украшения обуви встречаются и в Веселовском могильнике на р. Ветлуге.

Довольно характерными украшениями раннего этапа родановской культуры являются также шумящие подвески и пряжки с изображением головы медведя, лежащей между лап. Впервые такое изображение появляется на бляхах-подвесках гляденовской культуры (Новокрещенных, 1914, табл. VI—15, 23, 25).

В северных могильниках ломоватовской культуры появляются шумящие подвески с изображением головы медведя на основе и шумящими цепочками с перевитыми восьмеркообразными звеньями, а также с привесками в виде «гусиных лапок» и гладких конических колокольчиков (находки в Зюдинском районе по коллекции Н. Г. Первухина и в поздних погребениях Деменковского могильника).

Эти подвески встречаются и в ранних родановских могильниках (Урьинский, Каневский, Редикорский, Загарский, Мало-Аниковский, Михалевский). Их можно датировать VIII—X вв. В более поздних родановских памятниках они не встречаются. На территории родановской культуры известно 13 пунктов находок этих украшений (рис. 9). За пределами Верхнего Прикамья они почти не встречаются за исключением

двух пунктов — Поломского могильника и могильника Чем-Шай на р. Чепце. (А. Смирнов, 1952, стр. 203).

Характерными для родановской культуры на ее раннем этапе являются привески к шумящим подвескам в виде «гусиной лапки», заостренной формы, близкой к треугольнику или ромбу, с насечками на месте перепонки. Они отличаются от подобных украшений одновременных памятников Поволжья, где эти лапки имеют плоский нижний край, сведенный на тупой угол. Отличаются они и от чепецких «гусиных лапок», которые имеют вытянутую среднюю перепонку, несколько загнутую вперед, а все три перепонки на лапах заканчиваются утолщением в виде шарика. На родановских поселениях (Кудымкарское, Анюшкар и др.) найдены и литейные формы для отливки ромбовидных «гусиных лапок» с насечками.

В родановской культуре были также типы украшений общие для всего Прикамья. Например, трубчатые пронизки — прорезные, гладкие и спиралевидные. Находки их довольно равномерно распространены по всей территории Прикамья и в Вычегодском крае. Они встречаются и за пределами Прикамья — в Приладожье, Среднем Поволжье, в Зауралье и Западной Сибири. На территории родановской культуры известно 50 пунктов, где найдены такие пронизки. Ранние прототипы этих украшений встречаются как в ломоватовской культуре Верхнего Прикамья, так и в предшествующих культурах финноугорского населения **на других территориях.**

Общими для всего Прикамья и Вычегодского края являются колоковидные подвески с шумящими привесками. На территории родановской культуры известно 35 пунктов находок таких подвесок. Встречаются они и за пределами Прикамья и Вычегды — в Поволжье, Зауралье и в Сибири.

Общими для многих археологических культур финноугорского населения лесной полосы СССР, в том числе родановского, являются и многие другие украшения. На территории родановской культуры нам известно 18 пунктов находок височных колец с напускной бусиной, 32 пункта находок шейных гривен «глазовского типа», 17 пунктов находок флаконовидных подвесок. Остальные типы украшений, встречающиеся в родановской культуре — бляшки, пряжки, наконечники поясов, бусы и другие — также не являются специфическими для Верхнего Прикамья, а имеют распространение на очень широкой территории.

На территории родановской культуры изредка встречаются шумящие и нешумящие подвески мерянских, марийских и удмуртских типов. ✓ Зооморфные шумящие подвески родановской культуры (реалистические коньковые и с изображением медведя) имеют глубокую связь с тотемистическими представлениями местного населения, сложившимися еще в раннем железном веке — в ананьинской и гляденовской культу-

рах. Пережитки культа коня и медведя сохранились у коми-пермяков и в более позднее время, в XIX и начале XX вв. Они украшали охлупни своих изб головой коня или двух коней, как на коньковых подвесках. Головками коней украшались и держащие крючья построек. С этими изображениями было связано немало суеверий. (Сыропятов, 1924, стр. 37, 51). Медведь («ош») был наиболее почитаемым животным у коми, о чем свидетельствуют многочисленные обрядовые действия, поверья и запреты (Белицер, 1958, стр. 323—324).

Характерными для родановской культуры являются и культовые металлические изображения — медные идолы.

В ананьинской культуре появляются птицевидные литые идолы, изображающие птицу в полете с раскрытыми и несколько опущенными крыльями (Збруева, 1952, табл. II-14, IV-6). В гляденовской культуре также встречаются подобного рода птицевидные идолы, иногда имеющие в центре фигуры птицы изображение человеческого лица (Новокрещенных, 1914, табл. III-12, 16, 18, 20; IV-10, 11, 12, 14, 15, 20, 21; X-6, 8; 12, 15). Сохраняется этот тип идолов и в ломоватовской культуре (Геннинг, 1955, рис. 46-2; Спицын, 1902, табл. V-10). В ранних родановских могильниках (Загарский, Омелинский и др.) встречаются небольшие цельнолитые фигурки птичек с распростертыми крыльями, украшенными насечкой по краю, а иногда и по всей фигуре. По общим своим очертаниям они напоминают гляденовские прототипы. В памятниках родановской культуры часто встречаются также птицевидные идолы в виде фигурок одноголовых и двухголовых птиц с раскрытыми крыльями, на груди которых нанесено изображение человеческого лица, фигуры человека, животного или птицы (Спицын, 1902, табл. V-1, 3, 7, 11, 18; VI-6, 4; XXII-7; XXI-13, 14, 26). Крылья и оперение птиц даны очень схематично и, в отличие от ломоватовского точечного орнамента, чаще всего орнамент нанесен насечками или длинными прямыми линиями.

На территории Верхнего Прикамья известно 27 пунктов находок подобного рода идолов (табл. 10), а за его пределами они встречаются единично — на Чепце и городище Учка-кар и в д. Дондинская, в Котловском городище на Нижней Каме, на рр. Ветлуге и Вычегде, в Билярске, в Волжской Булгарии, всего в 6 пунктах. Этот тип культовых изображений можно считать характерным для родановской культуры. В верованиях коми культ птиц, особенно водоплавающих — уток и лебедей, — сохранялся вплоть до начала XX в. (Белицер, 1958, стр. 323).

В памятниках родановской культуры встречаются также металлические антропоморфные культовые изображения. Ранние их прототипы появляются еще в гляденовской культуре в виде одиночных или спаренных фигур, лицо которых обычно изображается в двух плоскостях — лоб и нос выступают над остальной частью лица (Новокрещенных, 1914, табл. II-25, IX-22, XIII-2 и др.). В ломоватовской культуре антропоморф-

ные изображения, как правило, выступают в обрамлении фантастических драконовидных фигур. Подобного же рода идолы встречаются и на раннеродановских памятниках (Редикорский, Омелинский могильники). В поздних родановских памятниках появляется изображение одной или нескольких человеческих фигур, без обрамления драконовидными существами (Вакинское селище, Пянтежское городище, д. Савина). Традиции изображения личин антропоморфных идолов в двух плоскостях нашли свое более позднее отражение в своеобразной пермской деревянной скульптуре XVII—XIX вв., распространенной, главным образом, в коми-пермяцких деревнях (Серебренников, 1928, стр. 12—37).

В Верхнем Прикамье известно 20 пунктов находок антропоморфных идолов IX—XIV вв. вышеописанных типов (табл. 11). За его пределами известна только одна находка в г. Билярске в Волжской Булгарии.

Таким образом, характерными энтическими чертами, отличающими родановскую культуру от других одновременных ей культур, можно считать:

1. Обряд погребения в грунтовых могильниках с неглубоким захоронением в виде вытянутого на спине труположения или единично встречающегося частичного или полного трупосожжения. Преобладает северная ориентировка могил. Умершие хоронятся в деревянных колодах, завернутыми в бересту или кору. Погребения часто сопровождаются жертвенными комплексами.

2. Наземный бревенчатый дом с двускатной или односкатной крышей, крытой берестой, с крытым тамбуром перед входом и открытым очагом на глинобитном полу.

3. Гребенчато-кружковый орнамент на глиняной посуде и бытовых вещах.

4. Металлические украшения костюма:

литые реалистические коньковые подвески с прорезной основой;

якорьковые шумящие подвески;

арочные шумящие подвески с прорезной основой;

шумящие подвески-медальоны;

умбовидные шумящие подвески с выпуклыми умбонами;

шумящие подвески с изображением головы медведя, лежащей между лап;

привески на концах шумящих цепочек в виде плоских «гусиных лапок» ромбоидальной формы, украшенных насечкой.

5. Металлические культовые изображения:

птицевидные идолы с раскрытыми крыльями, со схематическим изображением фигур или лица человека, фигур животных и птиц на груди идола;

антропоморфные идолы, подражающие ломоватовским, но отличающиеся сменой точечного орнамента насечкой и постепенно утрачиваю-

щие окружение человеческой фигуры фантастическими драконовидными существами.

Картографирование характерных этнических признаков дает возможность более четко определить границы родановской культуры. Южная ее граница проходит по правым притокам р. Обвы. Южнее ее встречаются лишь единичные находки, вроде клада украшений булгарского типа в окрестностях г. Перми (Талицкая, 1952, стр. 24) и погребения у д. Вашкур на р. Чусовой (Прокошев, 1937, стр. 127 и сл.). Западная и северо-западная границы родановской культуры проходили по верхнему течению р. Камы. Северная граница — по среднему течению р. Лупьи (Мысовское городище), р. Колвы (Искорское городище и могильник) и р. Вишеры (Суянковский могильник), а северо-восточная — в бассейне р. Язьвы, где также обнаружено несколько памятников этой культуры. Восточная граница родановской культуры менялась с течением времени. В основном она проходила по р. Каме. На левобережье Камы памятники родановской культуры встречаются единично в нижнем течении р. Косьвы, Яйвы и в районе Соликамска.

Северо-западными соседями родановцев — предков коми-пермяков — были племена вычегодских коми, юго-западными — племена удмуртов, оставившие памятники чепецкой культуры. Они имели однотипный с родановцами уклад хозяйства, в основе которого лежало пашенное земледелие. Они были родственными родановцам по происхождению, относились к одной культурной области и говорили на пермских языках. Северо-восточными и восточными соседями были племена манси Печоры, верхнего течения Вишеры и предгорий Урала, а юго-восточными — племена сылвенской культуры также угорского происхождения. В основе их хозяйства лежала развитая охота, рыбная ловля и скотоводство. Они относились к другой культурной области и говорили на угорских языках.

Внутри родановской культуры мы уже отметили некоторые различия между северными и южными ее памятниками в обряде погребения и приемах изготовления глиняной посуды. Некоторые различия можно проследить и в украшениях. Так, подвески и пряжки с изображением медведя и привески к шумящим цепочкам в виде «гусиных лапок» в основном встречаются в северных памятниках родановской культуры. Северные памятники родановской культуры имеют также некоторые особенности, не являющиеся этническими, а зависящими от хозяйства и условий географической среды. Так, характерной особенностью северных родановских городищ является их, сравнительно с южным, небольшая площадь, бедный культурный слой, довольно сильные укрепления, иногда из нескольких валов и рвов, и почти полное отсутствие жилых построек. Очевидно, они служили, главным образом, убежищем для обитателей многочисленных селищ, расположенных вокруг.

В хозяйстве северных родановских памятников, наряду с ведущей ролью подсечного и пашенного земледелия, прослеживается более высокий удельный вес охоты, о чем можно судить по многочисленным находкам наконечников стрел и других охотничьих орудий. В обряде погребения северных могильников можно проследить больше пережитков матриархата, чем в южных. Так, в женских погребениях Плесинского могильника, хотя и редко, но встречается оружие и части конского убранства. В могильнике нет совместных захоронений мужчин и женщин, женские погребения имеют значительный набор погребального инвентаря. Это свидетельствует о равноправном положении женщины. Имущественное неравенство здесь не было резким. Нет ни одного погребения без вещей.

Картографирование памятников родановской культуры в свое время привело нас к выделению четырех основных районов их сосредоточения: Зюздинский, Чердынско-Гайнский, Иньвенско-Обвинский и Язьвенский. Эти районы мы считали территориями четырех древних племен родановской культуры, совпадающих, в основном, с территориями распространения основных диалектов коми-пермяцкого языка (Оборин, 1955, стр. 591).

В 1961—1962 гг. Камской археологической экспедицией было проведено сплошное археологическое обследование верхнего течения р. Камы, от впадения в нее р. Вишеры до с. Гайны и далее на запад, а также р. Вишеры до г. Чердыни и севернее его. В результате удалось выявить около 70 новых памятников родановской культуры, изучение которых показало, что памятники Гайнского и Чердынского района нельзя объединять в один племенной вариант родановской культуры. Между памятниками Зюздинского района и памятниками Гайского района находится довольно значительный участок р. Камы (около 200 км), на котором не обнаружено ни одного памятника родановской культуры. Такой же значительный разрыв по Каме имеется и между компактно расположенными памятниками в Гайском районе и памятниками Чердынского района (около 70 км). Поэтому следует считать гайнскую и чердынскую группы родановских памятников самостоятельными племенными вариантами, разделенными значительной межплеменной территорией. Между памятниками, в бассейнах рр. Иньвы и Обвы, также имеется территориальный разрыв по течению р. Камы (около 50 км). Очевидно, и их нужно считать территориями особых племен.

В настоящее время на территории родановской культуры можно выделить уже не 4, а по крайней мере 7 племенных групп: Зюздинскую, Гайнскую, Косинскую, Чердынско-Язьвинскую, Верхнекамскую (между городом Соликамском и пос. Пожва), Иньвенскую, Обвинскую (см. табл. 4, 5, 6). В верховьях Камы межплеменные территории имели большую протяженность. Наиболее изолированными от остальных роданов-

ских племен были племена Зюздинской, Гайнской и Косинской групп. Между Чердынско-Язьвинской и Верхнекамской группами нет большого территориального разрыва. Иньвенская и Верхнекамская группы также разделены небольшой межплеменной территорией. В нижнем течении р. Косьвы в ранний период родановской культуры находилась еще одна группа памятников (Баяновское селище и могильник, Лаврятское городище), которая прекратила свое существование на позднем этапе, около начала XII в.

Разведки, проведенные в верховьях Камы, показали также, что внутри племенных вариантов можно выделить еще более мелкие группы памятников, состоящие обычно из 1—2 городищ, 1—2 могильников и нескольких селищ, которые можно считать родовыми территориями или территориями соседских общин. Так, в Гайнском племенном варианте выделяется пока 6 таких групп. Все они расположены близко друг к другу, на общем протяжении около 30 км. Несколько больше удалены от них еще две: Плесинско-Чикурьинская (селище и могильник) — до 20 км и Лупьинская — до 35 км. На территории Чердынско-Язьвинского варианта также выделяется 8—9 мелких групп родановских памятников.

Очевидно, при проведении более детальных разведок и полном картографировании будут также выявлены более мелкие группы памятников и в других племенных вариантах. В южных районах родановской культуры родовой принцип расселения, вероятно, был в большей степени расшатан, чем в глухих районах севера. Процесс формирования соседских общин на севере происходил, главным образом, на основе разложения замкнутых родовых общин, остатками которых являются мелкие группы памятников, при незначительном смешивании населения. В южных районах, менее изолированных между собой, процесс смешивания населения разных родовых общин играл большую роль при образовании соседской общины. Это можно проследить и на хорошо известных фактах, когда на южных памятниках позднего этапа родановской культуры на одном поселении встречаются различные типы родовых тамг на бытовых вещах (Бадер и Оборин, 1958, стр. 210—212). В северных памятниках родановской культуры таких находок пока неизвестно.

Таким образом, путем картографирования удалось выявить этнические особенности родановской культуры среди других одновременных ей культур. Большинство особенностей ведет свое происхождение от предшествовавших ей гляденовской и ломоватовской культур, что говорит о сложении племен родановской культуры на местной основе. Дальнейшее изучение даст возможность выявить локальные особенности внутри этой культуры, более четко обрисовать ее племенные территории и территории родовых и соседских общин внутри них.